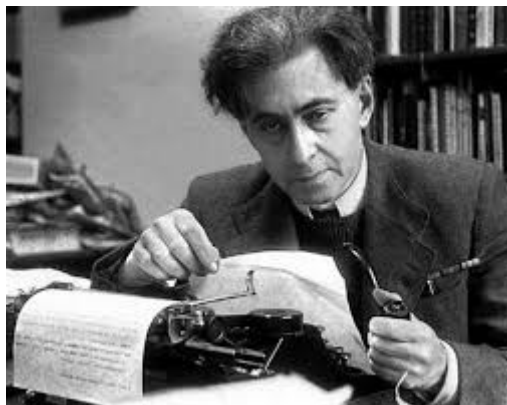

Люди, годы, жизнь писателя Ильи Эренбурга.

В нашей библиотеке среди многих замечательных книг есть мемуары интереснейшего писателя Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». XX век оставил после себя очень мало дневниковых записей, писем. Одна из причин – инстинкт самосохранения. Читая его воспоминания можно только радоваться, что он уцелел в годы Сталинских репрессий, оккупации Европы фашистами, на фронтах Великой Отечественной войны...

Рассказать об этом человеке лучше, чем Татьяна Шмидт, у меня вряд ли получится. А мемуары Ильи Эренбурга ждут своих читателей на полке нашей библиотеки.

Зигзаги судьбы Ильи Эренбурга

[Татьяна Шмидт](#)

В советские годы мало кто не знал о нем, не слышал его горячих выступлений по радио, не читал его знаменитых статей или книг. А теперь его имя основательно подзабыто. Молодежь не читает его произведений, разве только кто-то смотрел несколько лет назад фильм по его одноименной повести «Оттепель».

Эта повесть была написана Эренбургом в 1954 году, и с тех пор это время так и стали называть - оттепель. Впервые «Оттепель» была напечатана в майском номере журнала «Знамя» и вызвала бурю критики. Эту повесть читала вся российская интеллигенция, и название повести стало именем нарицательным. Хотя сюжет её довольно прост. Но главное, что хотел сказать автор этим произведением - нельзя жить не по совести, во лжи – это было понятно всем.

До «Оттепели» Эренбург написал около сотни книг - это был очень плодовитый автор. За два месяца он мог написать роман. Писатель работал, как одержимый. Он подшучивал над собой: «Я плодовит, как крольчиха».

Эренбург писал свои книги очень быстро, сначала они вызывали взрыв интереса читателей, а потом интерес к ним ослабевал, и о них забывали. Кто сейчас может назвать хотя бы один из его романов, кроме разве что самого известного «Хулио Хуренито»? Этот роман был написан еще в 1922 году и рассказывал о событиях первой мировой войны и революции, а главный герой был авантюристом.

Писательская деятельность Ильи Эренбурга длилась 60 лет! Он был награжден двумя Сталинскими премиями первой степени и другими высокими наградами. Он встречался со Сталиным и Хрущевым, дружил с великими художниками, поэтами и писателями разных стран. Знал Пикассо, Анри Барбюса, Матисса и Модильяни, Томаса Манна, Хемингуэя. И других знаменитых писателей и художников. Долгое время Эренбург жил за границей. О его жизни можно написать увлекательнейший роман. Но я расскажу о его судьбе кратко..

Родился Илья Эренбург в еврейской семье в Киеве 27 января 1891 года. Отец будущего писателя был купцом первой гильдии. Семья была зажиточной. Илья был младшим ребенком и единственным сыном – кроме него у родителей было три дочери. В 1895 году семья переехала в Москву, жили они на Остоженке. Отец получил место директора Пивоваренного завода в Хамовниках. Илья учился в первой Московской гимназии вместе с будущим революционером Николаем Бухариным.

В 14 лет в 1905 году Эренбург увлекается политикой, принимает участие в работе социал-демократов, убегает с уроков из гимназии на митинги, помогает строить баррикады возле Кудринской площади. В 1907 году его исключают из шестого класса гимназии за участие в работе редколлегии социал-демократической молодежи – он пишет революционные прокламации. Потом он скажет об этом периоде своей жизни: « Меня тянуло к большевикам».

В 1908 году юношу арестуют, шесть месяцев он сидит в тюрьме Бутырки в камере-одиночке. Отец вносит залог за сына, и по молодости лет юного бунтовщика выпускают до суда. Мать в слезах умоляет его уехать подальше от надзора полиции. И осенью 1908 года прямо из тюрьмы Илья поехал в Париж с чемоданом книг. В Париже юноша сначала живет у знакомых отца, потом поселяется на Монпарнасе и встречается с политэмигрантами из России.

Там несколько раз видит Ленина и разговаривает с ним. Позднее он вспоминал о нем в своих мемуарах: « Он был человеком сложным, душевно широким. Но всю свою страсть, всю силу творческого гения он вложил в одно – в борьбу за освобождение рабочих от эксплуатации. В создание нового, социалистического общества. Вот почему я писал в 1924 году: « Он думал об одном, чтобы другие, счастливые, могли думать о многом».

В 1910 году девятнадцатилетний Илья Эренбург женится на переводчице Екатерине Оттовне Шмидт. Катя была старше Ильи на два года. У них был страстный роман. Молодые жили гражданским браком на съемной квартире. Вскоре Катя поняла, что станет матерью. 25 марта 1911 года в Ницце у Эренбурга родилась дочка Иришка.

Кате очень хотелось иметь крепкую семью, но двадцатилетний юноша был не готов стать хорошим отцом и мужем. Он вел тогда богемный образ жизни. Когда дочке исполнился один год, они расстались. Катя с дочкой уходит к их общему другу Сорокину.

В Париже Эренбург начинает писать стихи, отлично владея французским языком, делает переводы стихов Франсуа Вийона на русский язык.

В это время юноша с недюжинными способностями ищет себя. Эти духовные метания доходят до того, что одно время он хотел стать монахом – бенедиктинцем. Но Эренбурга уже тогда властно поманила литературная работа. В первую мировую войну с 1914 по 1917 год он работает корреспондентом русских газет на Западном фронте, а летом 1917 года возвращается в Россию. В разгар гражданской войны он оказывается в Киеве, где постоянно меняется власть: белые, красные, анархисты...

В 1919 году Эренбург в Киеве женится на Любе Козинцевой, а потом вместе с молодой женой почти целый год живет в Коктебеле у Максимилиана Волошина. Они наслаждаются там удивительной природой Крыма, ходят в горы, купаются в море, ловят рыбу, общаются с писателями, художниками и просто интересными людьми. Эренбург пишет поэтический сборник «Ночи в Крыму». Потом перебирается в Грузию в Тифлис, выхлопывает себе и братьям Мандельштам советские паспорта и в качестве советских дипкурьеров они вместе возвращаются в Россию.

В 1920 году Эренбурга внезапно арестует ВЧК, но вскоре его отпускают, благодаря Николаю Бухарину. В марте 1921 года супруги вновь отправляются за границу. Сначала они едут во Францию, но осенью Эренбурга высылают за пределы страны, и супруги в ноябре прибывают в Берлин, где живут до 1924 года.

В Германии в те годы жилось голодно и холодно, в стране был кризис, цены на продукты в магазинах катастрофически росли, немцы питались скудно, пили жиденький кофе, но несмотря на это аккуратно и старательно работали, а вечером молодые, отощавшие парочки подолгу тряслись под грохочущий джаз на танцульках «диле», которые были на каждом шагу.

В Западной Европе население жило бедно, это время отражалось даже на богатых - один за другим разорялись магнаты - владельцы трестов, короли спичек, нефти, обуви. Именно о них напишет несколько книг Илья Эренбург.

В Германии еще тогда писатель заметит первые ростки фашизма. Он будет писать об этом в своих книгах. А работал Эренбург фантастически быстро – в Германии он написал рекордное количество книг - два десятка.

В 1922 году опубликует сатирический роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». В романе писатель показал мозаику жизни Европы и России времен первой мировой войны и революции и дал несколько удивительно точных прогнозов. Роман принес Эренбургу европейскую славу.

Немецкие коммунисты ожидали революции и победы, но этого не случилось, победила реакция.

В 1921 году Эренбург снова поселяется в Париже вместе с женой, снимает там уютную квартиру на улице Котантен, но сохраняет советское гражданство, чем вызывает удивление и неприязнь у многих эмигрантов. В эти годы он много

Париж стал для него как бы второй родиной. Он любит бродить по улочкам Парижа, фотографирует не парадную, а изнаночную сторону города – спящих бездомных, простых людей, улицы на окраине и дома.

В Париже он заходит в небольшие кафе, одно из них - кафе «Ротонда» стало вторым его домом. Там он познакомился со многими писателями и художниками – это Пикассо, Матисс, Модильяни, Ларионов, Гончарова, Хэмингуэй и другие. Здесь он подолгу беседует с друзьями и знакомыми, которых у него множество. Список его знакомых кажется бесконечным. С Пикассо его связывала тесная дружба. С Эрнестом Хэмингуэем он не раз ездил в Испанию во время гражданской войны.

В Париже Эренбург познакомился и подружился с французским поэтом Робером Десносом. Это был человек с богатым духовным миром и открытой душой. Он полюбил красивую женщину Юки, которая была женой японца Фужито. Когда Фужито вернулся в Японию, Деснос женился на Юки.

В 44 году на рассвете Десноса забрали фашисты и отправили в пересыльный лагерь. Он писал там стихи и нежные письма любимой Юки. Потом его отправили в Освенцим, он и там писал стихи. Из Освенцима Деснос попадает в Бухенвальд. Там его освобождают советские солдаты. Но Деснос, больной сыпным тифом, умер в больнице.

Эренбург легко сходилась с близкими по духу людьми. Он обладал оригинальной и запоминающейся внешностью. В двадцатые годы у него было бледное, плохо выбритое лицо, большие темные, немного косящие глаза и длинные волосы, свисающие на уши. Из-за вечно всклокоченной шевелюры его прозвали тогда Илья Лохматый. Носил он широкополую, фетровую шляпу, стоящую на голове, словно средневековый колпак. Ходил, немного сгорбившись, в куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом от неизменной своей трубки и походил на хиппи.

Но его лицо располагало к себе. Эренбург был отличным собеседником, обладал феноменальной памятью и необычайным интеллектом. Он много курил и почти не расставался с трубкой, даже написал сборник рассказов «Тринадцать трубок». Одевался он тогда небрежно – носил то шляпу, то испанский берет, а позднее на фронте любил надевать пилотку. Жили они с женой скромно. Это потом - после Сталинской премии, у Эренбурга появятся хорошие костюмы, дача и хорошая, просторная квартира в Москве.

А по приезде в Москву в 1926 году во времена нэпа Эренбурга, у которого жилья в Москве не было, приютили друзья, которые жили в Проточном переулке – месте, где часто селились воры, мелкие спекулянты и разные торговцы. Там торговали всем, ругались, молились и хлестали водку, а в подвалах ютились беспризорные. Однажды беспризорники украли окорок у одного торгаша - тот, разозлившись, завалил выход из подвала, где дети прятались от морозов...

Эренбург напишет по следам событий роман «Рвач», где главным героем станет жадный и бездушный торгаш, вскоре еще один роман «В Проточном переулке». Спустя много лет, Эренбург с горечью скажет в своих мемуарах: «Кажется, ни одну мою книгу так не поносили, как роман «В Проточном переулке». Не помню всех статей, но одна сейчас передо мной, она озаглавлена «Советская Россия без коммунистов» и напечатана в ленинградской «Красной газете»: Увиденная и показанная сквозь жижицу Проточного переулка советская Россия – это не реальная наша страна, а заповедный идеал П. П. Милюкова, - это советская Россия без коммунистов...

Эренбург выполняет социальный заказ эмигрантской интеллигенции, дав зарисовку уголка советской Москвы без социалистического строительства, без пафоса строительства новой жизни...

Эренбург уподобился тому щетинистому завсегдатаю свалок, который, ненароком забредя в розариум, увидел там не пышно растущие и благоухающие розы, а заметил колючие шипы и увлекся навозной жижей удобрения цветочных клумб».

А писатель с интересом наблюдал за окружающим и изумлялся. Все теперь выглядело иначе. Исчезли карточки на продукты. В магазинах появились товары. Крестьяне начали привозить живность на рынки. Москвичи повеселели. В газетах писали о гримасах нэпа. Однажды он застыл перед гастрономическим магазином, где чего только не было, а убедительнее всего была вывеска «Эстонак», что означало - желудок. В кафе на углу Петровки и Столешникова переулка Эренбурга рассмешила надпись, которая гласила: «Нас посещают дети кушать сливки». Детей там писатель не обнаружил, но посетителей было много, и казалось, они тучнели на глазах.

Пооткрывалось множество ресторанов, где официанты были во фраках, а возле ресторанов стояли лихачи и приговаривали: « Ваше сиятельство, подвезу...» Здесь же можно было увидеть нищенок и беспризорных, которые жалобно тянули: « Ко-п-е-е-чку». Но копеек не было – были миллионы и новенькие червонцы. Миллионы бросались в голову нэпманам, они сумасбродствовали, пили, скандалили, быстро гибли. Редко, кто откладывал на черный день: люди не верили ни в долголетие нэпа, ни в ассигнации. ГПУ время от времени снимали накипь нэпа, арестовывая десяток или сотню деляг.

А рядом была другая трудовая Москва. Ответственные работники ели в столовой скромные биточки. Они продолжали работать по четырнадцать часов в сутки. Рабочие, инженеры, врачи, учителя и агрономы с прежней настойчивостью восстанавливали страну, разоренную гражданской войной, интервенцией и годами засухи. На лекции в Политехническом было трудно пробиться, книги в магазинах не залеживались - штурм знаний продолжался.

Особенно удивляло Эренбурга молодое поколение, которое училось и бодро голодало, преданное точным наукам, спорту и кинематографу. Это были рабфаковцы, люди, родившиеся в первые годы нового века, те, которые строили социализм и отстояли его потом на войне часто ценою жизни...

Эренбург вернется с любимой женой Любовью Козинцевой в СССР. Там же в Москве поселится его дочь Ирина, которую он очень любил. Её матерью была Катерина Шмидт - первая жена Эренбурга. Ирина родилась в Париже. С её матерью Эренбург разошелся, когда Ирина была совсем маленькой. Создать крепкую семью у молодых родителей не получилось...

До 12 лет Ирина жила с матерью и отчимом в Москве, но отца любила, хотя отчима звала папой, а отца Ильей...

Отец не забывал дочку, посылал гостинцы, посылки. Какой радостью для Иришки были посылки! В семье отчима с продуктами было трудно, а в посылках лежала ослепительно-белая мука –крупчатка и сияли всеми цветами радуги акварельные краски! Ирина очень любила рисовать.

Она получила отличное образование - в Москве отец устроил девочку во французскую школу, а когда дочке исполнилось 12 лет, увез ее в Париж. Там она окончила Сорбонну и стала впоследствии прекрасным переводчиком французской литературы.

Ирина была красивой девушкой с прекрасными, голубыми глазами и нежной, слегка насмешливой улыбкой. У неё был отличный вкус. Она носила изящные шляпы и элегантные костюмы.

В двадцать два года она вернулась в СССР и занялась литературными переводами. В Москве она встретила свою единственную любовь - замечательного парня Бориса Лапина. Он был журналист, писатель, поэт и заядлый путешественник. Вскоре Ирина и Борис поженились. Илья Григорьевич полюбил зятя, как родного сына. Борис был надежный и талантливый человек.

Сам Эренбург много ездил по Советскому Союзу, бывал на великих стройках, знакомился с молодыми рабочими, писал о них книги. Так после посещения Кузнецка родилась книга «День второй», где он писал о молодых рабочих ударной стройки. Он не приукрашивал суровый быт строителей, а старался понять молодежь, видел её напористость и горячую тягу к книгам, к знаниям, культуре и радовался этим резким переменам. Несмотря на это, роман этот вызвал шквал критики.

В предвоенные годы писатель с женой жили во Франции. Эренбург видит, как в Париже нарастает фашизм. Он видит беспомощность правительства и героическую борьбу патриотов Франции. Наконец, своими глазами увидит Париж после оккупации его Гитлером в 1940 году. В смятении он пройдет по этому, словно мертвому городу, мимо магазинов с выбитыми витринами, мимо жителей, уходящих со своим скарбом из города. Эренбург с болью душевной напишет вскоре книгу «Падение Парижа», за которую получит высокую награду Сталинскую премию первой степени. Кое-как с большим трудом Эренбургу с женой удастся выбраться из оккупированного Парижа, в котором будут зазывно сверкать огни кабаре, где будут веселиться немецкие офицеры и публичные женщины. Это будет уже другой Париж...

До войны Эренбург объездил всю Европу, а в 1936 году был корреспондентом газеты «Известия» в Испании. Он любил эту страну, знал испанский язык. В Испании он много ездит по стране, видит богатство одних и вопиющую бедность простого народа. Республика мало что изменила в этой стране: голодные продолжали голодать, богачи роскошествовали.

Однажды Эренбург отправился с доктором-испанцем в глушь, в провинцию Санабрию. Они приехали в деревню, которая стояла на берегу озера, изобилующего форелью. Озеро принадлежало богатой мадридской домовладелице, и управляющий зорко следил, чтобы голодные крестьяне не ловили рыбу. Земли у крестьян не было, они ютились в курных избах и ели горох. Несмотря на бедность, крестьяне приносили писателю яблоки, апельсины, кормили обедом и не брали денег.

Эренбург писал тогда, что Испания – это двадцать миллионов Дон Кихотов в лохмотьях. Писатель любил эту страну, знал испанский язык и уважал гордый и душевный испанский народ.

Франко некоторое время спустя зальет Испанию кровью. А Эренбург напишет книгу и назовет ее: «Испания-республика трудящихся».

В один из приездов в Москву из Испании в декабре 1937 года, у писателя забрали заграничный паспорт, который восстановили лишь после двух писем Эренбурга Сталину...

Война не стала для писателя неожиданной, живя за границей на Западе, он давно видел звериную сущность фашизма. Он предвидел, что война с СССР будет неизбежной и начнется скоро.

В первый же день войны за Эренбургом приехали на машине и повезли в редакцию газеты «Красная Звезда» и на радио. Там его спросили:

- У вас есть воинское звание?

Илья Григорьевич ответил:

- Звания нет, есть призвание - поеду, куда пошлют, буду делать, что прикажут.

Так он стал фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда», встречался с бойцами, писал статьи и писал так, что из его газет солдаты не делали самокрутки, а для Гитлера он стал врагом номер один.

Антифашистские статьи зажигали ненависть в бойцах. Так в июльском номере газеты «Красная звезда» появилась его знаменитая статья «Убей!». В ней Эренбург приводит отрывки из трех писем убитых фашистов, где немцы бахвалятся невыносимыми условиями русских в Германии, считая их хуже скота. Из писем мы узнаем, что доведенные до безумия муками голода пленные, едят траву и червей, а потом умирают.

В заключение статьи писатель говорит: «Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день, хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих родных и будет мучить в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей его штыком.

Не считай дней, не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев.

Убей немца! – это просит тебя старуха – мать. Убей немца! – это молит тебя дитя.

Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!

И скоро на листовках и плакатах появились эти слова: «Убей его!»

Август 41 года. Газета «Красная звезда».

Такие статьи, подобные этой, Эренбург писал почти каждый день. Он писал о нечеловеческом отношении к советским пленным, которые каждую минуту могли быть расстреляны. Он писал, что средневековые пытки ничто по сравнению с мучениями пленных, когда раненым тупым ножом вырезали крест на лбу до ушей, разрезали рот, выжигали глаза, потом закапывали еще живых...

А методы работы с колхозниками - с жителями оккупированных деревень - розги и пуля.

Друг! - пламенно обращался писатель-публицист к воину – защитнику Родины.

Ты слышишь, как стонет русская земля? Она стонет под Витебском, стонет под Смоленском, под Харьковом, под Краснодаром.

Родина зовет тебя, русский воин. Не жди. Спаси.

Смерть немецким оккупантам!

23 октября 42 года.

На фронте он встречается с солдатами и офицерами Красной Армии, сидит во время короткого привала перед боем, рискуя жизнью, беседует с воинами, рассказывает им об

Испании, шутит, курит трубку. Для солдат он свой - этот мудрый и бесстрашный человек, который объездил всю Европу и остался защищать Родину...

Неспокойно и в семье Эренбурга. В начале войны погибает в окружении муж Ирины - Борис, он мог бы уйти один, но не оставил раненого друга. Ирина долго не верила, что он погиб - все ждала Бориса, которого она так сильно любила.

На фронте он узнает историю спасения еврейской девочки Фани Фишман. Родителей её и сестер расстреляли немцы. Спас Фаню какой-то старик, который показал ей дорогу в лес и сказал: «Беги к партизанам».

Девочка была спасена и помогала раненым в военном госпитале. О ней сообщили Эренбургу. Когда войска подошли к Кёнигсбергу, оставаться в действующей армии девочке стало опасно.

И Эренбург мудро решает, отправить Фаню к дочери, которая все еще находилась в депрессии, оплакивая любимого мужа. Ирина полюбила девочку, как родную и удочерила её. По вечерам она усаживала Фаню на колени и пела французскую песенку: - Если завтра будет солнце, мы поедem в Фьязиоле.

Я на маленькой лошадке, ты на маленьком осле...

И Фаня, отвыкшая от материнской ласки, уже девочка-подросток, засыпала на руках Ирины. Поначалу они не понимали друг друга - Фаня говорила на ужасной смеси украинского, польского и еврейского языков. Постепенно выучила русский и училась отлично. Впоследствии она стала врачом, а спустя много лет уехала к братьям в Израиль.

В 1942 году Эренбург вел активную работу в Еврейском антифашистском комитете и собирал сведения и материалы о Холокосте - массовом уничтожении евреев в годы войны. Впоследствии эти материалы вошли в «Черную книгу», изданную в 1947 году вместе с Василием Гроссманом.

В 1944 году Эренбург побывал на фронте в Восточной Пруссии, когда наши войска стремительно наступали уже на вражеской территории. Он пишет четыре знаменитые, проникнутые гневом статьи «У них», «Великое наступление», «Возмездие» и «Хватит!» В этих статьях писатель-публицист выносит приговор Германии, он называет её страной злодеев и берлогой отвратительного зверя. Виноватыми, по его мнению, оказываются все немцы, кроме малолетних детей. Но говоря о жертвах войны, Эренбург, видя страх и ужас местного населения, напоминает советским солдатам о гуманном отношении к гражданскому населению Германии: «Мы ведь советские люди, а не палачи».

А Гитлер лично распорядился поймать и повесить Эренбурга. В январе 1945 года фюрер объявил советского писателя-публициста злейшим врагом Германии.

Эренбург гордится советской армией - сильной и современной, прошедшей горнило страшных испытаний. Советские солдаты прогнали фашистов с родной земли и умеют вести войну на чужой территории. Он часто общается с ними, солдаты рады ему, как дорогому человеку. Он улыбается и шутит с бойцами, вдохновляя их на новые подвиги. На фронте и в тылу все знают его - от солдат до генералов. Статьи, памфлеты, репортажи Эренбурга печатались в газетах и звучали по радио.

За время войны Илья Эренбург написал около 1500 статей для «Красной Звезды», «Правды», «Известий» и Совинформбюро. Это был огромный, изнурительный, но вдохновенный труд.

В его статьях впервые появилось словосочетание День Победы, о которой мечтали все советские люди.

После войны он тоже неустанно работает - пишет романы «Буря» и «Девятый Вал», повесть «Оттепель», которая дала название целой эпохе советской истории, и в которой писатель прямо сказал о недавнем прошлом, о надеждах и переменах в жизни страны.

В последние годы жизни Эренбург пишет мемуары. Это его гениальная исповедь, где он откровенно пишет о времени, друзьях, о себе.

Книга «Люди годы жизнь», вышла в 1967 году тиражом в сто тысяч экземпляров и сразу стала популярна среди советской интеллигенции. Мемуары известных людей всегда интересны, как свидетельство очевидцев эпохи. Воспоминания Ильи Эренбурга интересны вдвойне – столько в них исторических фактов, примет времени, биографий разных людей.

Книгу Эренбурга печатали с оговорками от издательства. В частности, говорилось, что писатель выступает в роли свидетеля и судьи истории, что приводит к нарушению исторической правды, что Эренбург дает одностороннее, обедненное представление о развитии советской литературы.

А еще будто бы Эренбург утверждает, что в годы культа личности Сталина «все были участниками великого заговора молчания». И что мемуары Эренбурга не дают исторически верного представления о других периодах жизни советского общества, например, о периоде новой экономической политики.

Первые части книги все-таки вышли еще при Хрущеве в самом конце 1963 года, и читала ее советская интеллигенция с большим интересом. А теперь читаю я - уже в который раз.

Я бережно держу в руках объемную, потрепанную временем книгу, как свидетельство той эпохи - хрущевской оттепели. Эту книгу мне подарила одна старая женщина - ленинградка-блокадница, незадолго до своей смерти. Прощаясь с жизнью, она расставалась с самым дорогим, что у нее было – с любимыми книгами. Одна из них и была книга Эренбурга «Люди, годы, жизнь». В ней я нашла много ее пометок в разных местах текста. Эренбург писал эту книгу на склоне лет своей необыкновенной жизни почти до самого конца. Публиковал эту книгу журнал «Новый мир» с 1960 по 1965 год с большими перерывами. Получилось семь частей. Последний том опубликован в 1967 году уже при Брежнев.

Илья Эренбург умер 31 августа 1967 г в Москве от обширного инфаркта, оставив вдовой свою жену Любу, с которой прожил сорок восемь лет. Она стала наследницей квартиры, дачи и всего нажитого. Провожали Илью Григорьевича в последний путь пятнадцать тысяч человек – сохранились фотокадры с этим печальным событием.

Похоронен писатель на Новодевичьем кладбище.

Ирина не получила в наследство от отца ничего, но договорилась с Любовью Михайловной, что пусть всё останется, как есть. Когда Любовь Козинцева ушла из жизни, она всё оставила брату - известному кинорежиссеру Григорию Козинцеву. Козинцев предложил Ирине взять из квартиры всё, что она пожелает на память об отце. Ирина сказала:

- Я бы хотела сохранить кабинет отца, - и увезла библиотеку Эренбурга, картины и мебель. Козинцев вскоре умер, и наследство Эренбурга попало в чужие руки.

Ирина жила в небольшой кооперативной квартире, купленной на свои деньги, и всю оставшуюся жизнь единственным месте ее отдыха была тахта – всё пространство квартиры было заставлено шкафами с библиотекой отца.

Дочь Эренбурга нянчила детей и внуков своей приемной дочери Фани, качала маленьких на коленях и пела им песенки на французском языке, и до старости работала над переводами книг и писала мемуары. Свою книгу она назвала «Я видела детство и юность 20-го века». Прожила Ирина Ильинична долгую жизнь и ушла мир иной в 1997 году.

Какими поразительными кажутся мне зигзаги судьбы Ильи Эренбурга! Сколько дорог прошел он по Европе, где его считали советским писателем, а в СССР – попутчиком и космополитом, и произведения часто и жестко критиковали.

Но, несмотря на это он всегда жил, где хотел, как хотел, делал, что хотел, и говорил, что хотел. Его не тронули ни в 37-м году, ни в начале пятидесятых. У него были большие связи на Западе, и арест Эренбурга всколыхнул бы общественное мнение там, что было совсем нежелательно у нас...

Как много Илья Эренбург сумел сказать напоследок в мемуарах о времени, друзьях и о себе! Читайте его воспоминания и думаю, какую красивую прожил жизнь этот российский интеллигент! В трудностях, эмиграции, испытаниях, путешествиях, на фронте и повседневном писательском труде. А работа Эренбурга в годы Великой Отечественной войны – огромный вклад в нашу Победу. И про это мы не должны забывать.

Я смотрю на его фотографию, где он бережно держит белую лохматую собачку - Эренбург всю жизнь любил собак. Смотрю на седой ёжик волос, добрые умные глаза, слегка опухшие от усталости веки и упрямо сжатые губы. Он дома, в редкие минуты отдыха, среди своих книг и одет по-домашнему - в мягкой вельветовой блузе. Где - то неподалеку жена Люба, с которой прожито столько лет, и они давно уже без слов понимают друг друга. Она готовит ему обед, и он ворчит на неё, если вдруг жена пережарит котлеты – он любил хороший стол, а еще цветы. И на даче у Ильи Григорьевича была огромная оранжерея.

Вроде бы домашний тихий человек. Но какой волевой, необыкновенно трудолюбивый и талантливый! Воистину золотое перо России, которое разило врагов своей непримиримой ненавистью. Самый главный публицист Великой Отечественной войны. Другие тоже писали на войне, но не так и не столько, сколько этот удивительный

человек, о котором мне очень захотелось рассказать.
Декабрь 2019 года.

© Copyright: [Татьяна Шмидт](#), 2019
Свидетельство о публикации №219122901475

